

АРСЛАН СИРАЗИ

**ЗИКР
НАЗИРА**

ПОВЕСТЬ. РАССКАЗЫ

Арслан Сирази Зикр Назира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011297

ISBN 9785447465124

Аннотация

Юный Назир отправляется в путь, чтобы спасти Казань от захвата войском Ивана Грозного, но попадает в плен. Сможет ли он использовать второй шанс, поможет ли ему встреча с царицей Сююн и прозвучит ли его зикр, освобождая Казань? В сборник также вошли повесть «Время Е» и рассказы. ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ «Не помню, когда последний раз так впечатлялась текстом. Очень настоящее!» // Алёна Винокурова «Баян» – сильный рассказ, сочный, мощный, вкусный и правильный. Настоящая литература» // Тимур Садыков

Содержание

Зикр Назира	5
Мёртвые деревни	5
Кабан	21
Приближение	27
Шейх Али	35
Лагерь мёртвых	42
Первый ряд	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Зикр Назира
Повесть. Рассказы
Арслан Сирази

© Арслан Сирази, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зикр Назира

Мёртвые деревни

Дома заброшенными игрушками упрятались под пригорком, внезапно оборвавшим ход лесной гущи. Деревня помахивала пальцами помертвелой соломы на крышах; выколотые поздними дождями до блёклости ленты – красную, зелёную – расплёл и трепал на шесте ветер; до того прятался меж сосновых верхушек, а теперь, вот – выскочил на простор и готов бы, как в сказке, сорвать с кого-нибудь одежды, но никто не отзывался на приветственный шелест.

Назир вглядывался в улочку, разделившую семь изб, борясь с мыслью, что если в двух первых деревнях встретились лишь мёртвые, то и здесь следовало ожидать того же. Но, тут же напомнил он себе, подобие не всегда является истинным, поиск соответствий может легко утянуть в сторону, поэтому проще было бы, конечно, тронуть бока Зур-Ай, нако-со срезать буерак, спуститься к домам, пройти сквозь них, не заглядывая мертвецам в исклёванные глаза, и двинуться дальше, к Казану.

На спуске в голову билось желание, мелькнувшее во второй деревне – развернуться, не сходя с места, прижаться к лошади, ткнуть посильней и скакать, скакать так до са-

мого Идиля, нагнать по берегу караван, который возвращается в Эстрэкен, и идти, идти дальше, скорее до дома учителя, скорее занять своё место, да так и остаться там. Будто и не было ничего, будто и не разглядывал он с постыдным желанием увидеть больше изодранный кульмек деревенской красавицы, навзничь улёгшейся посреди улицы, словно с умыслом показывая прохожему разрезы, в которых запеклась кровь, унёсшая жар тела.

В первой, деревне он нашёл одиннадцать мёртвых. Во второй счёл семнадцать. Поразила рана одного из мужчин, так и не выпустившего боевого топора. От плеча до живота его лежала одна тонкая линия, словно бы умелый портной отсёк одним махом кусок ненужной ткани, а затем бросил шитьё и ушёл по другим делам. Чуть дальше мальчика срезали саблей на бегу; он успел выкинуть вперёд руку, до белеющих косточек теперь вбитую копытами в пыль.

Тоскливо мычали коровы, запертые в далеком хлеву. Подумалось, что их надо бы выпустить, но в глаза кинулись дети. Мальчик и девочка лежали в огороде. Спешным шагом вернулся на околицу, вскочил в седло и широким кругом объехал авыл по задам, вывел лошадь в лес, по-осеннему хмурый и тёмный, и долго ещё не останавливался.

Ночью сидел у тлеющего костра. Не спал, шарил вокруг себя рукой, подтягивал из темноты сухие ветки и по одной бросал в огонь. За кругом света шла жизнь – стрекотали кузнечики, мягким шорохом тёрлись друг о друга сосны,

вскрикивали ночные птицы. В далёкой, недостижимой высоте плыли звёзды, указывая, что до утра осталось немного.

– Один я пройду через время, – прошептал Назир, не отводя глаз от ночного неба, – Какая из звёзд осветит мой путь?

Наутро он вышел на опушку, пригорком высившуюся над поляной, в углублении которой лежала деревня. Издалека она выглядела мёртвой, как и две прежних.

Да, почему бы и не вернуться? Почему бы, пока не вошёл ещё, почему нет, если он уже издали различает на околице тёмное, брошенное тело, а значит, таких будет ещё много, прямо сейчас развернуться и гнать, гнать лошадь, не останавливаясь? Разве мало ему мертвецов, чтобы понять – урусы идут впереди, он никогда не успеет раньше войска до Казана?

Назир прибрал поводья, застыв почти у подножья пригорка. Вот его главная ошибка за последние дни – он не размышлял, а только лишь действовал, да и поступки его были лишь следствиями увиденного. Истина суфия – в верных поступках. Что будет верным в его случае: повернуть ли вспять и сохранить жизнь? Двинуться ли дальше, зная, что можешь спасти город? Но что, если его тайна неспособна на это? Назир мотнул головой, отгоняя неверие к словам учителя. Тот ясно высказался: молитва-зикр, прочитанная правоверным в стенах Казана, спасёт город. Что ж, за последние годы Назир неоднократно убеждался в правоте Физули. Однажды он

послал пришедшую за советом женщину купить сладостей, а пока та ходила на базар, её дом сгорел. Женщина в растерянности вернулась, проклиная Физули. Тот, не смутясь, попросил у неё покупки, а когда она, рассерженная, швырнула их в него, то среди инжира, сушёных абрикосов и засахаренных персиков обнаружился огромный изумруд. «Физули, откуда в сладостях драгоценность?» – спросили у учителя, а он ответил, что камень просто дожидался этой погорелицы. Порой слова его неясны, а ход мыслей похож на сумасшествие, но в этом и смысл – доразмышляться до предела, до самого края, за которым упрятана истина.

Назир постоял ещё немного. Каким бы безумием не казалась его поездка, надо двигаться дальше. Если учитель сказал, что город будет спасён, значит, так оно и будет. Несмотря на сотни мёртвых по дороге.

Тронув лошадь и пройдя немного, он различил, что за умершего принял огромную корягу с двумя стволами. Выдохнул. Повеселел и проехал мимо, едва ли не улыбаясь своей ошибке. И тут же, в промельк, поймал мысль: если его воображение способно столь легко обмануть разум, то разве разум сам не может обмануться этим первым ощущением?

Четыре дома – по левую руку, три – с другой стороны. В кутерьме конских следов он пытался разобраться, что здесь случилось, но ему, жителю города, было сложно понять это мельтешение, эти стежки, которые то и дело рвались, чтобы заняться вновь через пару батманов, возвращаясь на попят-

ную и опять двигаясь вперёд. Видно было одно – урусы долго кружили по деревне. Почему? Зачем? Непонятно.

Назир с досадой ударил бока Зур-Ай, заставив перейти на рысь. Отчего он не учился у воинов? По памяти он может прочесть сунну Аль-Барака, но не знает, как читать следы битвы, что лежат перед глазами? Почему за все десять лет в Эстэрхене он даже не прикоснулся к сабле и саадаку, отдав всё время своё беседам? Если бы он мог вернуться... Но время не даёт нам этого, сказал бы учитель. Аллах всемилостив, но время – нет. Время из другого мира, и грешник, не готовый к смерти, пусть не ждёт милости.

У стены одного из домов что-то мелко зашуршало, треснуло, а потом бросилось в призаборную траву. Назир вздрогнул, крепче ухватил поводья и ощутил, как напряглось тело.

– Всего лишь кошка, – пробурчал он, разглядев хвост в грязных пятнах. Отпустил повод, но тело не хотело так быстро расслабляться, оно всё ещё боялось.

Деревня была пуста. На каждый стук, каждый шорох оборачивался Назир, но всякий раз видел, что это лишь ставня ударила в стену или же ветка яблони уронила плоды оземь и вот они, катятся, ненужные никому.

Куда же делись жители? Урусы угнали в рабство? Но всех бы не взяли, мужчин, например, убили бы на месте. Назир кинул взгляд на урман, подступавший к деревне почти вплотную. Если они ушли в лес, то наверняка бы вернулись. Спрятались? Но что толку прятаться от одинокого

и невооружённого всадника?

Назир вспомнил, как ещё на корабле, везущем караван, кто-то из купцов, знакомцев отца, решивших повернуть обратно, подошёл к нему с саблей. Простые, кожаные ножны без узоров, и лишь точёное наверхие выдавало оружие, достойное руки воина. Назир отказался. Он не брал оружия в руки. Его оружие – слово и вера в Аллаха, Всемилостивого господина миров, а не эти железки и деревяшки.

Улица уже кончилась. Здесь, за околицей, казалось, что ветер задул ещё сильнее, оттого звуков вокруг стало больше. Трещали выцветшие красные и синие ленты, накрученные на покосившийся шест. Поодаль валялись высохшие черепа животных. Назир понял, что в авыле жили черемисья, люди леса, которые верили в духов, и яркими лентами, пахучими травами и черепами отпугивали злые силы. С урусами этого не вышло – видимо, их бог злее и сильнее всех убыров и шайтанов, которых боялись жители этой деревни. А сильнее ли бог урусов, чем Аллах Всемогущий?

Назир обернулся, словно желая попрощаться с деревней. Огороды скоро заплует сорная трава, крыша сгниёт, влага войдёт внутрь домов и разрушит стены. Стены, у одной из которых сейчас стоял мальчик.

Назир встряхнул головой, моргнул несколько раз. Мальчик не исчез. Его фигурка, словно росчерк пера, прерывала рисунок поперечных брёвен. Сам мальчик пригнулся как для прыжка. Или для того, чтобы убежать.

Назир развернул лошадь, встал, разглядывая видение. Он наклонил голову в одну сторону, потом в другую. Мальчик не исчезал. Назир прочёл молитву, избавлявшую от шайтанов, но ничего не изменилось – ветер, шорох деревьев, пустая деревня, дом, стена, мальчик. Тогда Назир медленно тронул лошадь в его сторону.

Тот стоял без лишних движений, в руке сжимал нож. Он был похож на зверя, готового к атаке или же к бегству. Узкие глаза остро смотрели на всадника, оценивая силы. Назир остановился в нескольких шагах от дома. Теперь они глядели друг на друга.

– Ты не урус? – голос мальчика был тихим, но каждое слово упало как камень, веско и уверенно.

Назир медленно покачал головой, всё ещё недоверчиво оглядывая стену, дом, землю под ногами и того, кто стоял на ней. Мальчику было лет десять, столько же, сколько самому Назиру, когда его отправили в Эстэрхэн в обучение. Волосы мальчика, густые и прямые, темнотой спадали на лоб. Из-под растрёпанной, в пятнах, одежды проглядывало тонкое, гибкое тело, рука, так и не опустившая нож, подрагивала от напряжения.

– Я – казанец, сын купца Акмоли, Назир, возвращаюсь домой. Сэлам тебе, мальчик, чьего имени я не знаю, – произнёс Назир степенно и чуть улыбаясь, чтобы успокоить своего собеседника.

– Байбуре, – мальчик немного помедлил, а потом опустил

руку ловким движением, как если бы куница или белка соскальзывала с ветки – тягуче, стремительно. – Я – Байбуре, сын Исмаила, крестьянина.

– Что здесь было?

– Тут урус прошёл. Я прятался. Когда конь уруса рядом был, я ему ножом, – рука совершила плавное и тягучее, но быстрое движение, так, что Назир едва успел заметить, – поджилки резанул. Конь – на дыбы, уруса скинул, а я в лес убежал. Там и прятался, вчера вечером пришёл обратно.

– А где все? – спросил Назир.

– В домах. – Байбуре повернулся к стене и застыл, поглаживая её. – Я туда втащил.

Только сейчас Назир заметил, что ногти мальчика окрашены черными лепестками застывшей крови.

Значит, они там, внутри. Вот почему он не видел мертвецов. Их было кому спрятать. Назир вспомнил, как видел умирающую мать на пороге, как тянула она руки к нему, а он...

– Ты молитвы знаешь? – жёсткий голос Байбуре вырвал Назира из воспоминаний.

– Какие?

– Которые на смерть говорят, – мальчик сказал это, а потом поджал губы, словно укоряя Назира за недогадливость. Махнул головой на дом, – Прочитать перед ними.

– Да... Знаю. Только вот... Родители твои – они разве истинной веры были?

– Нет, а что, твой Аллах, он разве не всемилостивый?

Назир взгляделся в мальчика. Байбуре прислонился спиной к стене и теперь оглаживал её руками, из стороны в сторону. У него только что убили родителей, а ещё... Ещё он боялся, и это Назир знал хорошо, наверное, лучше, чем сам Байбуре.

– Да, всемилостив Аллах, – прошептал Назир, спрыгивая с лошади.

У двери он долго оглядывал избу, посеревшую, сложенную из брёвен двойного охвата. На вид она была самой старой в деревне. Возможно, когда-то её поставили предки пришедших сюда, с умыслом, чтобы она служила, пока другие поселенцы не срубят себе дома. На одном из углов избы трепетал десяток тонких ленточек. Байбуре подошёл и встал рядом, не шевелясь.

Назир вдохнул и пошёл к двери. Тяжёлые доски, сшитые накрест, подались. Изнутри дома на Назира пахнуло терпким и тяжёлым духом гниения. Ещё не входя, он уже знал, что там будет, и оттого живот скрутило, как в тех, первых деревнях, но теперь, когда за спиной стоял мальчишка, перетащивший сюда этих мертвецов, отступить Назир не мог.

Мёртвые лежали в ряд. Их было двое. Посреди мужской половины лежал высокий, словно вытянутый в длину, крестьянин. Рядом с ним, почти касаясь рукой бедра мужа, лежала женщина. Назиру бросилось в глаза, что ступни мужчины так велики, что, пожалуй, превосходят женские почти

вдвое. Он был одет в серую льняную рубашу, короткие штаны. На ней – простой кульмек, платье почти до пяток, без вышивки. Назир сделал ещё шаг внутрь. Только теперь, привыкнув к темноте, Назир разглядел широкий мазаный след крови, который змеился по полу от двери. Темно-алая, местами – бурая, полоса тянулась по доскам. Щели забились густой поблёскивающей влагой.

Мёртвые лежали, не движась, будто ожидая последнего слова, ради которого он и вошёл в этот дом. Смутно-серые лица взирали в потолок, впитывая смерть.

Назир оглянулся, будто желая убедиться, что нет преград для его возвращения к серому небу, к шороху ветра, к Зур-Ай, которая топталась у забора, вытаскивая травы помягче. В створе двери темнела фигура Байбуре.

Назир повернулся к мёртвым. И только тогда увидел девочку.

Маленькое тельце лежало под углом к двум другим мертвецам. Если бы Назира спросил учитель, то он бы ответил, что угол между телами равен трети солнечного круга. Девочке было лет пять или шесть, точнее не определить. Скулы острые, расчерченные углём смерти, волосы, пусть и растрёпанные, но ещё недавно убранные в ленты. Вместо левого глаза алела рана, наполненная запёкшейся кровью.

Назир отшатнулся и, громя досками, рванулся к двери. Отбросил Байбуре, стоявшего на пороге. Выскочил на улицу, втянул воздух ртом несколько раз. Казалось, что

всё повторяется, всё складывается почти так же, как и тогда – дом, запах смерти уже на пороге, и *энкей*, которая смотрит на него, ожидая помощи. Назир не хотел видеть мёртвых, он не желал этого, потому что однажды уже видел, как умирают любимые люди.

Отдышался. Посмотрел в небо, в котором кружила пара чёрных ворон, гортанно жалуясь друг другу на отсутствие добычи. Вслушался в звуки за спиной – не скажет ли чего-то мальчик, не обвинит ли в слабости? Но там было тихо. Только ветер шуршал по верхушкам сосен, как и всегда в этих краях.

Не глядя, Назир взял повод Зур-Ай и потянул лошадь к лесу. За околицей дыхание, наконец, улеглось, и он смог размыслить свой поступок. Так, вместо рассудка его телом управлял страх. Но это допустимо, потому что порой страх быстрее, чем разум. К тому же, тела лежали без погребения уже несколько дней, значит, возможно и заражение от них. Страх увёл его от опасности. Молитву над черемисой читать нельзя, ведь в Книге сказано, что многобожники попадут в ад, а кто он такой, чтобы спорить с Книгой?

К тому же, он не мулла. Он суфий (ученик – тут же поправил его ещё один голос, знакомый ему после написания кади-сов). Ему надо скорее попасть домой, ведь урусы уже обошли его, значит, надо торопиться. Вскочить в седло, прижаться ногами к лошади и скакать, гнать как можно быстрее к стенам Казана. Но он продолжал идти и не переставал переби-

рать слова оправдания, ощущая, как мальчик смотрит ему вслед. Он боялся обернуться, чтобы увидеть этот взгляд – Назир был уверен, что увидит взгляд своего отца, вернувшегося после смерти *энкей*.

Наверху пригорка, огораживающего деревню с трёх сторон, дышать стало легче. Здесь, на просторе, не копилась смерть и болезнь, здесь урман жил и умирал походя, не замечая своих воплощений. Птицы, собирающиеся вскоре к теплу, пока что звенели и тренькали. Сосны качались, раздумывая о жизни, которая укрепилась внутри их стволов. Ещё немного пройти, и не будет уже видно никакой деревни, а там – день пути и он, Алла бирсе, окажется у стен Казана и, может быть, увидит картинку, врезавшуюся в память с детства.

Когда они шли вверх по Идилю, купец Полат показал ему рисунок на куске жёсткой бумаги. На нём двумя раскрытыми ладонями сплетались две реки. А в самом сплетении, будто цветок в бутоне, лежал город, нарисованный лёгкими штрихами. Стены его были выше других городов, ещё выше стен художник изобразил минареты, откуда муэдзины славили Всевышнего, да так, что прямо в уши, хотя и знал Назир теперь, что это неважно, можно говорить и сидя на земле, и даже под ней, Всевышний слышит все слова на свете и ни один волосок не упадёт без Его ведома, да пребудет с Ним милость веков.

Казан стоял там, вольный город, сильный город, что су-

мел пережить разрушения, моря и болезни, и слабых ханов, умерших ещё в юности, и жадных наместников. И там, между трёх озёр и двух рек, на высоком холме, ждал его полузабытый отец и могила матери, которую он, Назир, вспоминал нечасто, но каждое воспоминание было столь ярким, столь живым, что порой казалось, будто *энкей* где-то рядом.

Цветок на карте рос из морей, из тех мест, откуда сейчас шёл сам Назир. Бурные волны чингизидов, ногаев, кипчаков докатывались туда и успокаивались, видя как красивы новые места, как спокойно дышится там. Кто-то из них оставался, перемешивался с булгаарами, и так сохранялся цветок, впитывая в себя влагу чужих земель.

У самого леса Назир все-таки оглянулся и вновь поразился тому, как похож авыл на игрушечный городок, устроенный каким-нибудь великаном. Возле одного из кубиков возилась маленькая фигурка. Байбуре что-то таскал к дому. Назир пригляделся. Мальчик подтаскивал к стенам сухие ветви, дрова, доски, укладывая их так, чтобы они прислонялись к избе. Что он собирается делать?

Байбуре зашёл в дом, вскоре вышел и присел над одним из пучков сухой травы, воткнутым промеж веток. Долго не выпрямлялся, а когда встал, над ветвями вился тонкий дымок. Он хочет сжечь свой дом!

Из пальцев Назира выпал повод, чему Зур-Ай была рада – она двинулась к остаткам зелени, на опушке проглянувшими сквозь сухие иглы. В низине ветер ухватился за огонёк

и начал раздувать его всё сильнее и сильнее. Вскоре огни пламени вскарабкались на стены, поднялись под самую крышу. Байбуре медленно отходил от трескучего жара, который, казалось, ощущался даже здесь, на пригорке, откуда, не отрываясь, глядел в низину Назир.

Солнце уже село, пора было вставать на ночлег. Чуть отойдя к лесу, Назир расседлал лошадь, развёл костёр так, чтобы не видеть за ним огня, обнявшего деревню. Вскоре на пригорок поднялся мальчик.

– Я... посижу тут, – он кивнул на костёр. – Недолго.

Уселся, обхватив руками колени. Когда Назир протянул ему кусок вяленой конины, только покачал головой. Если завтра они пойдут разными дорогами, к чему сегодня делить пищу?..

Байбуре стоял на склоне жёлтого глинистого оврага меж деревянных обгорелых развалин. Крики заставили его обернуться. Сзади в беспорядке набегали сотни людей. Байбуре взглянул в сторону их движения. Над оврагом высилась каменная стена. Оттуда со свистом летели стрелы, копья, камни. Странно – зачем они стремятся к стене?

Бегущие не останавливались, не пытались уклониться от смерти, лишь один, рыжебородый, вскинул руки, меж которых дрогнуло оперенье стрелы. Рубаха мужчины медленно омывалась тёмно-бурым. Байбуре смотрел прямо в глаза умирающему.

– Бежать нельзя... Не... разбегайтесь... Вместе... – хри-

пел мужчина.

Тело его сотряс ещё один удар стрелы, угодившей в шею. В толпе вокруг них слышались крики, словно галдели птицы. Байбуре поднял взгляд – прямо на него, шурша и ворочаясь в воздухе, летел огромный, в несколько батманов, камень. Тень его упала на лицо, мальчик вскрикнул и проснулся.

Полночная звезда уже клонилась к горизонту. Вдалеке ухала сова, завершая ночную охоту. На востоке между деревьев разгорался скорый восход.

Мужчина, который вчера отказался читать молитву по его родным, лежал по другую сторону костра. Он приоткрыл глаза.

– Что ты? – сна в голосе Назира не чувствовалось.

– Сон. Кошмар приснился.

– Сон? Это не страшно, бывает, – Назир вновь улёгся поудобнее.

Мальчик проглотил слюну, смочив пересохшее горло.

– Про нас сон был.

Назир привстал и вопросительно посмотрел на Байбуре.

– Сказали, что разбежаться нельзя... Вместе идти.

Они собрались ещё до рассвета и двинулись в сторону Казана. Назир усадил мальчика впереди себя и пришпорил коня. Надо было спешить, если они хотели обогнать войско урусов.

Помогая Байбуре взобраться на лошадь, Назир вспомнил,

как отец, сильный кряжистый мужчина с короткими, плотными ногами, хватает его, пятилетнего, и одним движением забрасывает на коня. Жеребец чутко прядает ушами, косит взгляд на людей, чуть перебирает копытами, предвкушая поездку...

Когда это было – до или после? Наверное, до смерти матери, ведь потом отец почти не разговаривал с ним. Он вернулся из поездки и нашёл Назира в углу их дома из жёлтого известняка. Прыгающей походкой влетел в дом, а Назир натянул на голову покрывало энкей. Через год или два отец с караваном отвёз его в Эстэрхэн.

А теперь вот он, Назир, везёт мальчишку, который потерял сразу всех. Едут они туда же, откуда всё и начиналось, – в Казан. Едут потому, что учитель передал Назиру зикр – волшебную молитву, которая поможет Казану выстоять перед урусами.

Кабан

Весь день Назир вглядывался в горизонт. Поля были пусты, но Назир держался ближе к опушке, чтобы в случае опасности укрыться в гуще подлеска, то там, то здесь пробиравшегося к небу сквозь тьму окружающих сосен. Всадники ехали, останавливаясь лишь для того, чтобы дать коню отдых. Оба молчали.

Конный отряд, скачущий навстречу, первым заметил Байбуре. От страха или от неожиданности он не мог вымолвить ни слова, и лишь палец указывал в сторону всадников. Назир тут же повернул Зур-Ай в лес.

Урусов было числом двенадцать. Кольчуги их розовато поблёскивали в лучах заходящего солнца. Ехали, скинув шлемы, – не таясь, не оглядываясь, как по своей земле. Выбеленные конским потом попоны показывали, что они в пути уже не первый день. Сквозь листья рябин Назир разглядывал спокойные, расслабленные лица, словно люди возвращаются домой после трудового дня. В детстве он не раз видел похожие – урусы стояли в городе своей улицей, торговали на базаре.

Один из всадников, самый молодой на вид, вдруг остановился и начал вглядываться в лес. Назир собрал дыхание и, помня о важности сердца, внутри себя прочёл зикр. Дунул ветер, ветки сосен открыли солнце, пославшее луч всаднику

прямо в глаза. Тут же его позвали товарищи и урус, прищпорив коня, двинулся дальше.

Назир облегчённо выдохнул. Значит, получается? Значит, те несколько коротких слов, что прошептал ему в ухо учитель, работают? Стоило только упомянуть в нужном порядке имя Аллаха Всемогущего, как урус перестал смотреть в их сторону!

Улыбаясь, он обернулся к Байбуре. К его удивлению, мальчик пустыми глазами глядел вглубь *урмана*. Его губы едва заметно шевелились. Молится духам леса, как и его родичи веками до того? Назира кольнула неприятная мысль: если они оба читали молитву, то чья же подействовала?

Вновь попытался проговорить слова зикра, данного учителем. Но сейчас язык не смог осилить даже первого слога, руки и ноги тут же ослабли, спина покрылась холодным потом. Видимо, зикр можно произносить лишь в опасности, не расходуя его на пустые проверки. Но как можно истратить всемогущество – этого Назир уразуметь не мог.

Разводить костёр в этот раз они остереглись из-за увиденного отряда урусов. Улеглись рядом, под одним покрывалом, чтобы хотя бы спинами греться.

– Назир-абзый, а где твои *ата-анасы*? – голос Байбуре звучал тихо, теряясь в шуме ночного леса.

Назир рассказал, что мать его убили урусы давным-давно, а отец, если жив, ждёт его в Казане. Отец, наверное, совсем поседел. Но жизненной силы не потерял – Назир на это

надеялся. Он хотел увидеть отца таким, как это было в последний раз – отец, в развевающемся халате нёсся по закоулкам Эстэрхэна, на ходу выговаривая караван-баши за то, что тот вовремя не покормил лошадей, тут же давая советы едва поспевавшему сыну и поглядывая по сторонам. Вот, резко свернул в какой-то очередной переулочек, зашёл в лавку ювелира. Там, перебирая тёмные, напившиеся земляной крови, рубины, отец всё равно продолжал двигаться – руками, головой, нервно переступал с ноги на ногу.

Отец был сильнее его, Назир это знал и всегда помнил о том, когда не мог управиться с перепутанной конской упряжью или же договориться с наглым торговцем на улицах Эстэрхэна. Чему он вообще научился за эти годы рядом с учителем? Мыслить разумно, слагать стихи и вести премудрые беседы? Ха, велика ценность твоих слов, когда нужно будет убивать или же избегать смерти! Он вновь попытался проговорить молитву учителя, вспомнив своё состояние перед отрядом урусов. Ничего. Закрыв глаза, Назир видел все слоги в нужном порядке, но ни язык, ни разум не могли выстроить их в единую линию, которая бы зазвучала.

Наутро Назир хмурился, собирая халат, который по ночам стелил на землю. К чему он сгодится? Уж не лучше ли – он глянул на Байбуре, возившегося возле Зур-Ай, – быть невеждой, не касаться тайн Вселенной и оттого пребывать в спокойствии, даже не раздумывая? Байбуре заметил взгляд и, подумав, что Назир о чем-то просил, протянул тому накид-

ку, на которой спал сам. Назир принял угретую ткань, начал сворачивать.

Порой вся задача человека недалёкого может быть лишь в том, чтобы в нужный миг передать что-то. Например, помочь при сборе лагеря. Или же – передать слова от мудрого к мудрому, не умея толком их использовать. В тот раз, на опушке, у него вышло от страха или же от неожиданности, а теперь, ограниченный своим разумом, он не мог прочесть молитвы. Ну и что с того? Учитель ведь не говорил ему бродить по Казанскому краю и рассказывать зикр направо-налево. Он сказал ему прийти в Казан и передать слова Кул Шэрифи.

Назир выпрямился. Пробираться к городу нужно по берегам озёр. Это дольше и труднее, чем напрямик, но встреча с отрядом урусов показала, что враг близко. Как бы ни был он слаб или слеп, но чему-то в Эстэрхэне научился – хранить разум холодным, когда всё внутри стонет от неуверенности.

Ему нельзя рисковать. Теперь, увидев врага, он непременно должен попасть в Казан, чтобы передать зикр. И увидеть отца.

К закату лес из соснового перешёл в лиственный, и клёны вперемежку с дубами протягивали к ним пожелтелые листья-пальцы. Копыта Зур-Ай зашелестели по мягкому ковру, и Назир только здесь понял, как близка осень. Придёт северный ветер, дожди размоют дороги. Если город продержится до этого времени, возможно, войны удастся избежать. А для

этого нужно успеть принести зикр в Казань.

Несколько раз ещё Назир пробовал проговаривать слова молитвы, сложенной учителем, но вновь и вновь наталкивался на знакомую уже стену. Он мог их произнести по отдельности, помнил их расположение, но молитва не складывалась и звучала как бранные выкрики на площади, но не как обращение к Повелителю миров. А главное – зикр не просачивался внутрь, не звучал в том месте, где должен поселиться, – в середине груди, как это было перед отрядом урусов. Очевидно, для того, чтобы искренне прочесть молитву, нужно искренне испугаться. Он неслышно усмехнулся, а потом втянул ноздрями воздух.

Свежий от влажности ветер предсказывал, что вскоре они выйдут к воде. Так и оказалось – после спуска по короткому, но крутому обрыву между веток плакучей ивы они увидели озеро, будто огромная, вытянутая в длину капля воды, лежавшее перед ними. Берега, сколь хватало взгляда, заросли густой осокой и ивняком. Вдали, на востоке, царил темнота, но Назир знал, что там таилось ещё одно озеро – младший брат этого. А за ним уже их ждал Казань.

– Кабан, – прошептал он и, перекинув ногу, сполз с лошади. Назир и не думал, что так обрадуется встрече с давним соседом их города.

Подожёл к берегу, опустился на колени, аккуратно почерпнул и долго пил, благодаря Аллаха за каждый глоток родной воды. Холод жидкости смывал дорожную пыль, осев-

шую внутри, смывал привкус, оставшийся после деревни Байбуре. Краем глаза Назир увидел, что мальчик тоже был рядом. В этот миг Назиру казалось, что всё уже хорошо, а встреча с урусами – лишь случайность, это были разведчики, первые отряды, и скоро, на том берегу, перед ними встанут красные стены, на улицах будет шуметь торговая круговерть и толчея, и рисунок с цветком и тремя кораблями оживёт.

– Давай, Байбуре, давай быстрее, – уклоняясь от веток, с улыбкой подбадривал он мальчика. Чтобы легче было идти вдоль берега, густо заросшего ивняком, они вели Зур-Ай в поводу. – Давай же! Ещё чуть-чуть и будем есть плов или шулпу. Ты что больше любишь, а, Байбуре?

Запыхавшийся мальчик мычал позади, а Назир, даже не поворачиваясь, не слушая ответа, с ухмылкой отодвигал ветки и тянул за собой коня. Перебираясь через залежи валежника, нанесённого весенним разливом, пригибаясь под ветвями, прыгая с кочки на кочку, он безмерно захотел оказаться дома.

Казалось бы, ещё луну назад он с досадной ухмылкой разворачивал письмо отца, дивился несдержанности и дурному запаху посланника, принёсшего записку, а вот теперь устремился к родному дому как корова после пастбища. Халат растрепался, сухая ветка оцарапала щеку до крови, ичиги промокли в болотце, а он все шагал навстречу родным стенам.

Приближение

Тяжело дыша, Назир взлетел на пригорок, валом разделивший два озера. И застыл, но лишь на мгновение, потому что тут же пригнулся – в сотне батманов от него вдоль берега Олы Кабана, Большого Кабана в чередё костров виднелись люди, кружили всадники, вздымались шатры.

– Байбуре. Отведи. Зур-Ай к лесу, – Назир говорил и не узнавал свой голос – дрожащий, с перерывами хватяющий воздух, – Привяжи там. Я пока. Осмотрюсь.

– Что там? – глаза мальчика расширились. – Там... они?

– Да, Байбуре, урусы. Мы. Опоздали. Я.

Назир лежал между растерявшими дух стеблями тысячелистника и вялой полынью, разглядывая лагерь урусов. Войско длинной змеёй улеглось по берегу. Люди вскакивали, перебежали от костра к костру, чтобы вновь слиться с сумраком. После деревень, чьи пустые улицы стояли перед глазами Назира, лагерь был неожиданно живым и... весёлым. Урусы радовались, они верили в победу, верили в своего бога, в своего хана и оттого вечер их тёк привольно.

Взглянув в сторону города, Назир едва смог сдержать гулкое kloкотание в груди. Яркие точки светились почти у самых стен. Казан был окружён. Они, нет – он, только он, Назир, никто больше – он опоздал!

Назир, задыхаясь от бессилия, рванул на себя травы,

с корнем выдирая их и перетирая в ладонях. Из горла рвался крик. На глаза навернулись слёзы.

– Назир-абый, что делать будем? – тихо спросил мальчик, тронув его за плечо. – Может, обойдём? Или ты знаешь тайные ходы в город?

Назир, не говоря ни слова, сполз с пригорка. Выпрямился и зашагал к деревьям, где стояла лошадь. Назир погладил животное по морде, долгим движением провёл по линии позвоночника. Он не знал тайных ходов, не знал, как прорваться сквозь стоянку урусов, не знал ничего, что следует знать воину. Он вообще был никем. *Беркем*, Никто – вот как следовало бы ему называться. Он даже не представляет, что делать дальше. Мальчишка – и тот что-то предлагает, говорит, а он... Под рукой размеренно вздымался бок Зур-Ай, не ведающей, что ей, как и хозяину, больше некуда стремиться свой бег.

Нет, не он увидит с холма водной глади, по которой плывут лодки, не подойдёт к стенам своего города, не откроет дверь своего дома. И не увидит отца. Только сейчас Назир осознал это полностью, сквозь мелькающие ветви леса узрев будущее, – скитаться, нигде не находя приюта, не говоря никому ни слова о своём прошлом. Он не успел спасти Казан, а значит, вся его жизнь теперь будет стремиться не *к*, а *от*, прочь от того, куда он шёл.

Он медленно влез в седло, обернулся к Байбуре, подбирая слова прощания, потому что дальше он должен идти один.

И застыл – за мальчиком, на пригорке, чернели фигуры всадников. Четверо. И ещё двое выехали на возвышенность.

– Ба... – Назир хотел крикнуть, но понял, что урусы, возможно, не заметили мальчика, едва видного в тени склона. Лучше уж сделать что-то, лучше уж спасти хотя бы одного.

Он развернул Зур-Ай навстречу конным и с места вывел её в галоп. Застоявшаяся лошадь хрипела и глухо била копытами о землю, унося Назира в сторону от Байбуре.

– Тыр, тыр, татарва! – послышался писклявый голос. – Стой, бусурманин!

Всадники начали перестраиваться, чтобы взять Назира в кольцо, но он ещё раз ударил по бокам лошади и ушёл в сторону, уводя взгляды от мальчика, который, как заметил Назир, пригнулся, готовый сорваться, убежать в миг или же драться – ногтями, зубами, чем угодно. В это мгновение – на одно краткое мгновение – Назир позавидовал стойкости мальчика.

А в следующий миг на него налетел конь уруса. Правая нога Назира занемела, боль, которой он всегда так боялся, от столкновения с тяжёлым всадником кинулась от бедра и вверх, и вниз, пронзив ногу, казалось, до самой пятки. Назир попытался вывернуть влево, потянул повод, но вокруг уже мельтешили: грузный мужик, похожий на бочку, следом какой-то скрюченный, ещё один, с лихой выправкой в седле, с пшеничными усами, и ещё, ещё кто-то; Назир не мог разглядеть их, и оттого стало казаться, что его окружили шайта-

ны. Он остановился, мельком заметив, что мальчика больше не видит. Значит, убежал, значит, хоть кто-то выжил. Хорошо, подумал Назир, это хорошо.

– Что, бусурманин, попался?! – пищал, оказывается, человек-бочка, наехавший на него. Голова уруса едва возвышалась над конской, а ноги, затянутые латами, были так коротки, что болтались над брюхом животного. Шлем сидел на голове плотно, вместо глаз чернели глубокие дыры.

– Слазь! – пропищал мужчина, снова направляя коня на Назира. – Слазь, не то сами скинем.

Назир, вместе с остановкой потерявший всю былую решимость, будоражившую тело, теперь задрожал, вспомнив о недавней боли.

– Ишь каков нежный, – пропищал урус-бочка, тут же поддержанный хохотом других. – Вяжи его, Кривой, сведём к пятидесятнику.

Назир слез, стараясь не ступить на повреждённую ногу, руки его тут же стянули верёвкой, накинули конец на седло толстого уруса, и ничего не оставалось делать, как, спотыкаясь и пошатываясь, бежать за стрельцом.

Байбуре, никем не замеченный, взобрался на возвышение. Тело его, скованное напряжением, искало себе занятия, и он решил пробраться к кострам, вслед за Назиром. Ещё раньше он хотел кинуться старшему спутнику на выручку, даже вытащил нож, который нёс с собой из авыла, но всадников было шестеро, и разумом он понимал, что убьют обоих.

На склоне он долго высматривал дозорных, которые смешались с кутерьмой становища. Всюду блестели костры, от шатра к шатру носились тени людей. Пригибаясь, он спустился к урусам, встав почти в нескольких шагах от ближайшего костра. До мальчика донеслись запахи еды. Рядом щипали птицу, тут же кто-то большими ломтями нарезал вяленое мясо.

Голодно оглядывая всё это разнообразие, Байбуре не сразу заметил, что стрельцы, схватившие Назира, да и сам пленник, стоят тут же. Видимо, бочкообразный *баишчы* не смог проехать мимо парящего котла. Он сам и стрельцы спешили и теперь, оставив Назира в стороне, пересмеивались с кашеваром.

Тут Байбуре не выдержал – пригнувшись, он побежал к Назиру. Старательно выгибая ступни, чтобы не шуметь, нырнул ему за спину, и начал резать верёвки, не замечая, что вместе с грубыми волокнами цепляет и тонкую кожу.

– Бежим, Назир! – шепнул Байбуре и потянул руку, скользкую от крови. Он развернулся на пятках, когда вдруг ощутил, что спутник его не двигается. Даже наоборот – это Назир крепко держал Байбуре, не отпуская.

– Бежим! Скорей! – Байбуре уже кричал, забежал с другой стороны, заглядывая в лицо суфию, но тот лишь покачал головой.

Время было упущено. Стрельцы быстро окружили их и теперь со смехом разглядывали странную пару: мальчишка тя-

нет пленника, а тот нет, чтоб сигануть в темноту, упёрся, как вол, и застыл.

– Ещё один прибежал бусурманчик! – визжал человек-бочка, подталкивая своих товарищей. – Плетью его, плетью достань-ка!

Боль пронзила Байбуре от плеча, пронеслась по телу искрами. Не раздумывая, он тут же отпустил Назира и с ножом кинулся в сторону, откуда пришёл удар, но его сбили с ног, а затем пнули пару раз в живот и в спину. Назира тоже уронили резким тычком под колена, от чего он застонал и сжался в комок.

Но избиения не последовало – вместо них сутолоку прервал рык человека. Кричавший говорил по-русски, но, как с изумлением понял Назир, в голосе слышался говор урождённого казанца.

– Оставь! Это приказ хан казанский Шейх Али! Остави его! – продолжал рычать незнакомец. В ответ стрельцы недовольно забурчали.

– Татарва пожаловала, – вполголоса пискнул десятник. – Не всех повырезали, остались ещё, проклятые.

Красная и зелёная нить проглядывала сквозь пыль и грязь, покрывавшие огромные ичиги.

– *Тыр*, – сказал обладатель сапог, – Вставай.

Опираясь руками в землю, Назир медленно поднялся, не удержавшись от удивления – перед ним стоял настоящий великан. Ичиги, халат, сабля на боку его, *тюбетей* на округ-

лой бритой голове – всё, казалось, было сделано на двух, а то и трёх людей. Он высился над всеми вокруг и было заметно, что урусы знают великана и побаиваются.

Назир поднял голову и едва сдержался, чтобы не отшатнуться: лицо мужчины было будто разорвано и сложено потом из кусков – носа, подбородка и щёк – которые срослись меж собой неровно и нескладно. Во время учёбы Назир слышал, что лекари сшивали лица людей после ужасных происшествий на войне или на охоте, но видеть такое ему не приходилось.

– Что, страшно? Я – Вафа, – криво улыбнулся казанец, открыв зубы, такие же кривые и ломаные, как и лицо хозяйна. – Вот и урусы боятся.

Стрельцы, стоявшие полукругом, услышав «урус», зароптали:

– Пошёл по-бусурмански балаболить!

– Ишь, разболтался, безобразя!

– Тихааа! – гортанный голос казанца перекрывал все окружающие его звуки. – Шейх Али приказ – татар в начал к нему.

И, уже по-татарски:

– Бери мальчика и идём за мной. Быстро!

Он с ухмылкой смотрел на Назира, поднимавшего под руку Байбуре. Убедившись, что оба встали, развернулся и прыгучей походкой двинулся куда-то сквозь лагерь. Назир с удивлением обнаружил, что обезображенного окружа-

ют четыре воина с копьями. Сейчас они встали по сторонам вокруг и, не обращая внимания на ворчание урусов, шли почти прямо, вглубь лагеря, отпихивая по дороге встречных.

– Почему ты не побежал, Назир? – утирая кровь, спросил Байбуре на ходу.

– Потому что бежать нельзя. Разве ты забыл свой сон? Я ошибся, уже сел в седло, но Казан сам ведёт нас к себе. Бежать нельзя, теперь я это точно знаю.

Шейх Али

В полутёмном шатре Назир не сразу разглядел того, к кому их привели. Внезапно угол, до того прикрытый коврами и покрывалами, зашевелился, ткани распались и показали человека. Тело его растекалось по расшитому ковру, оставив под движения лишь одутловатые пальчики рук и острые, поблёскивающие в свете факелов, глаза. Человек был огромен, и если Вафа, приведший их сюда, был великаном, то его хозяин оказался просто горой. Назир засомневался, что шейх способен сам подняться с подушек.

Они молча стояли перед этим человеком, а у Назира перед глазами до сих пор проносились лица, увиденные вокруг шатра. Здесь, рядом с урусами, был свой лагерь – казанцы, крымчане, кипчаки, ногаи – все те, кому, казалось бы, следует быть по другую сторону стен, вместе с урусами хотели завоевать Казан. Проходя мимо палаток, Назир с удивлением отмечал родные черты в лицах, слышал знакомый язык. Почему они здесь, а не там?

Человек лежал и вглядывался в лица пленников. Затем едва заметно повёл пальцем в их сторону:

– Кто они, Вафа?

– Урусы поймали на краю лагеря. То ли разведчики, то ли какие-то глупцы, которые чересчур близко подошли к войску.

– Разведчики? Да ты посмотри на них – унылый суфий в чёрном и мальчишка-черемиса, какие уж воины?! – морщинистые веки упрятали глазки шейха, не открывая глаз, он продолжил, – Знаешь, кто я, суфий?

– Наверное, предатель, если говоришь как казанец, но сам не внутри Казана, – быстро проговорил первое пришедшее на ум Назир. Тут же последовал тычок в спину от Вафы-великана.

– *Тукта*, Вафа, не убивай нашего премудрого гостя, – губы Али медленно раскрылись в ухмылке, тело волной колыхнулось на покрывалах, – А почему же ты думаешь, что я предатель, а не... освободитель, к примеру?

Беседа, а, скорее, внезапное ощущение лёгкости и размытости, поселившееся в теле, напомнило ему о разговорах, которые велись перед учителем – там так же нужна была скорость и ясность. Первый ход пока остался за ним, но нужно было соображать быстрее.

– Разве будет освободитель хватать двух соплеменников и допрашивать как пленников? – сказал Назир и тут же поморщился, поняв, что ответ неверен, что потерял преимущество и сейчас будет вынужден защищаться.

– А кто же тебя допрашивает? Я вот просто беседую с тобой. Вафа, скажи-ка, ведь пленников мы иначе допрашиваем?

Вафа не сказал ничего, но по дуновению воздуха, возникшему за спиной, стало ясно, что великанья голова согласно

склонилась.

– Я – шейх Али. Тот, кто хочет сохранить Казан для его жителей. Вот кто я.

– Неужели для сохранности города нужно окружить его и призвать под его стены урусов? – успел спросить Назир, понимая, что должен сейчас пришпорить свой разум. В голове, казалось, что-то шевелилось, подобно пучку трав, направляемому руками лекаря.

Шейх помолчал, чмокая губами. Шейные складки перекатились, показывая, как Али сглотнул что-то.

– А скажи, суфий, ведь лекари должны тщательно обследовать больных, прежде чем назначать лечение?

Назир вздрогнул – как шейх догадался, что он думал про лекаря? Эта туша, лежащая сейчас перед ним, не так проста, какой казалась его глазам. Возможно ли, что он ошибся в оценке этого человека? Конечно, это не исключено, разум ошибается, при этом всегда находя поводы для оправдания себя, но здесь, в этом шатре, в войске, окружавшем Казан, какие могут быть ошибки? Всё ясно и так – перед ним предатель. Но какой? Тупой обжора, соблазнённый властью, или же сильный дух, заключённый в столь неприглядном теле?

– Ты, суфий-недоучка, знаешь ли, каковы истинные причины той болезни, что назвал предательством? Знаешь ли ты, что почти до последнего дня я вёл войну – но не на поле брани, не у стен городских, а внутри них? Как ещё было

поступать с теми, кто вчера хотел торговли, а сегодня требует войны? Что было делать с мурзами, которые, будто девку, ради своих барышей продали урусам ханшу, Сююн? Скажи мне, суфий, – улыбка раскрыла зубы шейха, неожиданно белые и ровные, – а предатель послушает тебя.

Али подождал мгновение и вновь заговорил:

– Знаешь ли ты, какую цену я плачу каждый день за попытки сохранить Казан? – тело шевельнулось навстречу им, и Назир с испугом представил, как вся эта туша сейчас подыметса и пойдёт на них. – Аллах Всемогущий – только Он знает цену моих усилий! Меня трижды изгоняли из родного города, а все мои попытки привлечь на нашу сторону ногаев были разрушены урусами. Которым, как ты думаешь, я продался, – голова мужчины склонилась набок, а глаза покрылись плёнкой дремоты.

Они так и стояли, выжидая. Назир скосил глаза на Байбуре. Мальчик с презрением глядел на тучного шейха. Оно и понятно – в детстве видишь лишь верные образцы, а все остальные кажутся ложными. В его деревне толстяков уж точно не было.

Шейх Али, казалось, уснул. Что с того, если слова его правдивы? Даже допуская их истинность, он всё равно стоит среди врагов, а город обороняется от него. Но порой тело больных также отторгает лекарство, потребное к выздоровлению. Не является ли это подобие ложным, вводящим его в искушение своей красотой и завершённой? Назир

пытался обнаружить в своих мыслях истинный образ, который бы разом показал истинное действие, но всё время возвращался к одному и тому же – город, лежащий между рек, как в бутоне цветка. Бутон пожирают гусеницы, насекомые жиреют и спят в своих шатрах, ожидая последней трапезы, которая уничтожит красоту навсегда.

Глазки шейха пережили мутный, медленный рассвет. Почмокал губами. Медленно, словно выползая из дрёмы, шейх Али заговорил. Ох, как же не прост был этот человек, подумалось Назиру, если смог посреди сна продлить свою мысль:

– Ну а даже если бы я продался... Ты – не торговец, но уж, наверное, смыслишь, что весь смысл в цене продажи! Я продавался и, видит Всевышний, продам себя и детей своих ещё сотню раз, лишь бы великий Казан остался невредим.

– Тем не менее, Казан будет разрушен. И уж тебе ли не знать этого, премудрый шах, – Назир и сам не сразу осознал, что это его голос раздался в тишине шатра. Но он уже понимал, что верный поступок сейчас – говорить истину. Пусть шейх как гусеница запутал себя и близких в липких потёках лжи, но истина иная. – Ты можешь говорить правду, видимую тебе, но не видишь истины. Истина вот в чём – твоя цена никчёмна, шейх. Ты отдал золото за пыль. Ты мог спасти город, но поставил власть превыше всего. А тот, кто гонится за чем-то, чаще всего от этого и страдает.

– О, суфий, знал бы ты как приятно беседовать с умным человеком. Давай же ещё поговорим о природе власти, ко-

торуешь ты, разумею, судишь лишь понаслышке, – последние слова прозвучали и вопросом, и утверждением одновременно, и Назир ощутил, как голос Али манит его в какую-то ловушку, но в чём её смысл – понять не смог. Он только заметил, что в шатре потемнело больше прежнего, и лишь два озерца глаз шейха блестят сквозь сумрак. Он должен говорить дальше, потому что у него нет ничего, кроме слов.

– Природа власти заключена в сочетании силы и ответственности. Всесилен Аллах, имя которого ты поминаешь, и оттого Он властвует над всем миром. Но Он же и отвечает за весь этот мир и за всё, что случается под небом, – сказав это, Назир едва заметно, одними лишь губами произнёс слова зикра, удивившись, что вот, сейчас молитва зазвучала, заиграла на его языке неожиданной силой.

Шейх, видимо, ощутив, что собеседник изменился, приподнялся на коврах. Теперь они видели лишь один другого, но никого более.

– И ты, стало быть, тоже отвечаешь за что-то? – тихо, почти шёпотом, спросил Али Назира.

Назир кивнул и тут же понял, что вот она – его ошибка, цена силы, которая жаждет быть проявленной. Сила притягивает к себе, а ценой этого притяжения становится заметность, полная видимость и прозрачность для тех, кто решиться на прямой взгляд внутрь.

– Чем же может быть силён суфий, кроме молитв? – Али не спрашивал, а, скорее, утверждал.

Затем что-то стало рушиться в шатре, вокруг Назира, в нём самом – сила перестала его питать, разрушенная одним верным вопросом. Он ощутил, как внутри нарастает каменная тяжесть, с которой невозможно справиться одними лишь словами. Захотелось кричать, но дыхания не хватало. Свет факелов вспыхнул с невероятной яркостью, очертания шейха narосли до самого потолка шатра, а сам Назир уменьшился, став лишь детской игрушкой.

– Зачем ты пришёл в Казан, суфий? – медленно спросил шах.

Назир молчал.

– Вафа! – прогремел голос, который раньше казался Назиру столь неуверенным, столь слабым. – Ты прав, Вафа, это разведчики, которые хотели пробраться в город!

Шейх осел на коврах, чуть ли не упав на спину. Только теперь Назир осознал, что устал не только он один. Но из них двух проигравший – он.

– Приведите дознателя из урусов, пусть вытащит всё. Пусть пытается суфия и его мальчишку передо мной, а я буду спрашивать, – глазки Али теперь смотрели куда-то в сторону, а ногти пухлых пальцев со скрежетом цепляли расшитое покрывало.

Лагерь мёртвых

Телесная боль для Назира была почти неизвестна, оттого, когда в шатёр втащили что-то, похожее на длинный стол без столешницы, с потемневшим от людского пота поворотным колесом, он ощутил, как страх проникает внутрь мышц, вызывая их содрогание. Казалось, что дрожь в его ногах и руках видят все в шатре – Байбуре, Вафа, сам шейх Али.

Хорошо знавший строение тела, он представлял, что произойдёт – вначале суставы вытянутся до предела, а затем вырвутся из своих углублений, таща за собой вены и жилы, и, при очередном повороте колеса, оборвутся. Тогда придёт время смерти. Но он сам к тому времени, скорее всего, будет без сознания. Лишь бы успеть, лишь бы собраться с силами, чтобы обратиться к Всевышнему. Когда его кожаными длинными ремнями привязывали к орудию, он шептал про себя зикр, стараясь пропеть его, расположить слова в верном порядке, но испуганный язык никак не мог успокоиться, прячась за зубами.

Назир, знал, что не готов ни к боли случайной, ни к той, что причиняют люди друг другу с умыслом, но с удивлением осознал, что может размышлять о своих страданиях, даже слушая, как щёлкает поворотное колесо. Он словно видел, как в суставы его всунули острый и длинный клинок, и при каждом новом щелчке он расщеплялся на десятки, на сотни

других, и каждый резал свою часть тела.

– Что ж, суфий, теперь, когда тело твоё растянуто, растянется ли так же и твой язык? – голос шейха доносился из другого мира, отделённого временем и пространством.

– Аллах... – Назир шумно сглотнул жаркую, клейкую слюну, – всемилостив.

И замолчал. И услышал в ответ то, чего боялся больше смерти, больше упрёков отца, больше гнева Аллаха:

– Ещё, – и тут же ощутил, как стальное дерево внутри него отращивает новые ветви, проникает в новые закоулки тела, о которых он даже и не думал никогда.

Тогда Назир закричал, выискивая запасы дыхания для того, чтобы хоть как-то облегчить страдания.

– Что... ты... должен... был... сделать? – сквозь крик каждое слово доносилось откуда-то издалека, едва проскальзывая мимо заслонов боли, окутавших его красным покрывалом. Как же ему хотелось, чтобы не было ни этих слов, ни этих кровавых всполохов, ни этого шатра!..

И он рассказал про зикр, данный ему учителем для сохранения Казана, выталкивая из себя слово за словом. Он поведал и слова зикра, хотя это было тайной, о которой должны были знать лишь трое – учитель, Кул Шерифи и он сам, посланец. Он бы говорил всё, что угодно, лишь бы только боль его не увеличивалась, лишь бы уменьшилась или хотя бы оставалась на том пределе, за которым ждала смерть.

– И это всё?! Всё, ради чего ты готов был умереть, су-

фий? – хохот шейха слышался отовсюду. – Ради нечестивых, забывших лицо Аллаха?! Неужели ты думаешь, что Иван-падишах не может разрушить твою и любую другую молитву своими пушками и ружьями? Глупец, какой же ты глупец, суфий!.. А я-то, я-то хорош – подумал, что он действительно несёт тайные знания!

Хохот сошёл на бульканье, а потом, видимо, по знаку шейха отпустила и боль. Красное покрывало, напозавшее откуда-то снизу, спустилось вновь к своим истокам.

– Ну что ж, завтра ты попробуешь спасти свой Казан – такую милость тебе предоставит шейх Али! – Али скомандовал кому-то в сторону, видимо, Вафе, – В первый ряд его! Может, успеет прочитать свой зикр прямо под стенами, когда на него будут лить кипяток и смолу!

Палач вытолкнул Назира из шатра так, что тот споткнулся о тканый порог и рухнул в грязь. Подыматься не было сил. Лежать на прохладной земле лучше, чем истекать потом в жарком шатре. Лучше так и остаться здесь, чем идти по земле со стыдом предательства.

Чья-то сильная рука рывком подняла его. Руки и ноги, плечи и бёдра пылали от боли, но кое-как Назир смог устоять.

– Держи его, – чей это голос, какой-то знакомый голос, а вот и кто-то встал сбоку, маленький, наверное, это Байбуре, а кто же тогда говорил... Назир попытался оглядеться, но в глаза бросились лишь размытые пятна огня.

– Фарид, Фирдаус! – снова этот громовой голос. Две фигуры подошли. – Возьмите эту требуху свиней и оттащите к смертникам! – Хотели в Казан попасть – завтра там будете! В первом ряду пойдёте!

Аллах всемилостивый, как же громко... А обладатель голоса внезапно притянул его к себе ещё ближе и прошептал: – Как первые стрелы полетят, падайте и прячьтесь под мёртвых. И читай свой зикр, суфий, да пребудет с тобой милость Мохаммеда, Пророка Аллаха Всесильного!

И тут же заорал по-прежнему, но уже куда-то в сторону: – Чего ещё ждёте?! Забирайте!

Охранники схватили их с двух сторон и потащили прочь от шатра. Назир нашёл в себе силы обернуться – у светящегося входа в палатку стоял великан и, наклонив огромную голову, глядел им вслед. Это он сказал ему спрятаться. Вот только зачем?

Они тащились по становищу, разглядывая урусов. Воины грудились у костров в поисках уходящего тепла, ссорились из-за еды, точили сабли, кое-где чистили пищажи. Завидев двух пленников, они вглядывались в их шаг, думая, что бы выкрикнуть похлеще, но затем, увидев направление, в котором идут фигуры, осекались и умолкали.

Впереди, в самой середине войска, занявшего холмы у Булака, посреди ярких шумных огней, тускло светилось несколько костров. Над этой частью лагеря царило молчание, которое, казалось, разливалось в стороны, охватывая сосед-

ние отряды. Чем ближе они подходили, тем тише становилось вокруг. У самого последнего костра урусов, стоя на коленях перед иконкой, молился молодой монах. Почти вплотную к нему, спинами ко всем вокруг, цепью стояли воины.

Провожатые Назира и Байбуре подвели их к оцеплению.

– Ещё привёл! – звонко по-русски сказал один из охранников.

Урус повернулся, оглядел пленников и усмехнулся:

– Твой Шигалей что – детей стал посылать? Кроме баб да мальчишек больше никого полонить не может?

– Шейх Али ещё привёл!

– Ладно, давай своих ещё привёл. Завтра уж все сгодятся.

Пускай их, Локоть!

Безбородый джигит, едва ли на пару вёсен старше Байбуре, проворно отскочил, открывая проход внутрь. Назир шагнул вперёд, не ожидая тычков в спину. Внутри этого необъятного, на первый взгляд, круга сидели, спали, молились, разговаривали, плакали, молчали сотни, а может, и тьма людей. Здесь мерцала пара или тройка костров, и хотя смертникам еды не полагалось, люди старались собраться у тепла. Назир подошёл к огню как можно ближе, а потом рухнул оземь. Исковерканное тело его ныло, но чем дальше, тем слышнее становился голос, идущий откуда-то изнутри памяти. Назир пытался отмахнуться от него, пытался не узнавать голоса, но он знал, что это отец, он слышал, однажды он уже слышал это:

– Ты – слабый. Ты – слабый. Ты – слабый.

А ещё глубже, где-то совсем глубоко, куда не достала ни одна частичка боли, тонкой весенней птицей неслось радостное «жив! жив!»

– Назир, Назир, смотри-ка, – Байбуре осторожно дёрнул за халат, указывая в сторону мужчины, отсевшего от сотоварищей по несчастью. Небольшого роста, обхватил себя руками за колени, с расстояния в несколько батманов он смотрел на отблески костра. Рыжая борода мерцала медью.

– Это он, он, я его во сне видел, Назир, – горячо зашептал Байбуре.

– В каком сне?

– Ну в том, я же тебе рассказывал, – Байбуре недовольно поморщился, так и не сводя глаз с рыжебородого, – это он мне сказал «бежать нельзя». Он, точно!

Они и не убежали. И даже жизнь сохранили. Вот только потеряли зикр.

Если они остались, что смогут сделать завтра? Наверное, нужно будет попробовать прочесть зикр – как бы ни смеялся над этим предатель. Но сейчас Назиру казалось, что выдав молитву нечестивому, он обесценил её. Он сохранил свою жизнь – всего-то до рассвета! – но потерял сокровище, которое давало смысл его пути.

С утра урусы пойдут на Казан, а в первых рядах живым щитом поставят их – казанцев и черемисов. Там всё и кончится. Боль, позор, неудачи... Назир ощутил, как голова

обессиленного мальчика упала ему на плечо, а вскоре уснул и сам.

Первый ряд

Солнце месяца *Шавваль* пряталось в серую шаль облаков и никак не хотело вылезать. Или же оно не хотело смотреть на то, что скоро произойдёт на этой земле? Есть ли дело до людских невзгод Тому, Кто на небе? Смотрит ли Аллах на тех, кто сейчас собирается умереть? Поможет ли Он им? Поможет ли защитникам Казана?

Назир, поёживаясь от холода, наполненного речной влагой, и разминая отзывающиеся тягучей болью руки и ноги, вспоминал – давным-давно люди этих мест поклонялись солнцу и другим, похожим, богам. Из проклятого Булгара смельчаки привозили каменные плиты, на которых был высечен круг с лучами. Обратиться к ним, к богам этой земли, подумал Назир, но тут же себя осадил – нужно рассчитывать только на Всевышнего. И на зикр. Он огляделся. Там и здесь просыпались смертники.

Какая же участь ждёт нас всех, если мы умрём на поле боя в пользу безбожников? Что скажут нам перед пропастью? Дадут ли ступить на золотую нить, что испытывает добро и зло человека? И как долго будем падать мы в пустоту, сорвавшись с острого края? Назир, словно чётки, перебирал мысли внутри самого себя, сам не понимая, что дыханием и ритмом внутреннего разговора входит в *накф*, состояние пустоты. Весь мир, всё происходящее стало лишь наблюде-

нием.

Всё в том же отстранении, он видел, как рядом зашевелился Байбуре, как сквозь плёнку бычьего пузыря разглядывал строящиеся ряды урусов, которые погонят смертников Назира, Байбуре, рыжебородого мужчину и того мальчика лет семи, который ночью плакал. А когда все, каждый из нас, падёт, они пойдут по нашим телам, чтобы взять Казань.

Заныли далёкие трубы, словно собираясь духом, где-то слышались молитвенные скороговорки неверных и – всё забряцало, зазвенело, зашевелилось. Лишь в их лагере царил молчание. А потом труба запела близко-близко, и кто-то вскрикнул, подгоняемый *джегганом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.